

XVIII–XIX века

http://fictionbook.ru/pages/read_book_online/?art=635205&show_reminders_subscr=1&pagenum=6

XVIII в. значительно подвинул вперед теоретическое изучение проблемы перевода: к переводам классических писателей все чаще присоединялись переводы с новых языков. XVIII в. например, дает уже целый ряд серьезных теоретических исследований о принципах перевода. Такова, например, работа **Хоттингера** «Нечто о новейшей фабрикации переводов из греков и римлян» (1782), во многих отношениях предвосхищающая идеи Шлейермахера, или замечательная для своего времени **речь Тайтлера** «Принципы перевода», читанная в Эдинбургской академии в 1791 и послужившая предметом долгих дискуссий не только в Англии, но и в Германии.

Однако, в известном смысле, техника перевода в эту эпоху стояла на более низкой ступени. Французский классицизм полностью усвоил римскую систему вольной передачи иностранного текста; господствующая аристократическая установка французской литературы при обострении классовой борьбы в свою очередь обуславливала приспособление иностранного текста к идеологическим целям. *Так, например, Шекспира перерабатывают и исправляют на свой лад.* Следующее признание **Дидро** служит характерным показателем того, как понимались тогда задачи переводчика: «Мне теперь остается только сказать, как я отнесся к книге Шефтсбюри: я прочел ее раз и другой, проникся ее духом, потом закрыл книгу и приступил к переводу».

В конце XVIII в., главным образом в Германии, наметилась другая переводческая система, тесно связанная с романтизмом.

Противопоставляя логической внеисторичности классиков воспроизведение исторической правды во всей ее специфической конкретности, а их отвлеченному типизированию национальное своеобразие в изображении действительности, романтики, естественно, должны были и в проблеме перевода придерживаться принципов возможно более близкой и точной передачи иностранных текстов, не нарушающей их специфичности. Знаменательной в этом смысле была ставшая классической статья **Шлейермахера** «О различных методах перевода» [1813], около которой группируются интересные наблюдения и высказывания немецких романтиков: Новалиса, братьев Шлегелей и др. Шлейермахер требует как можно более строгого соблюдения национального стиля переводного сочинения. Ту же точку зрения отстаивает **А. Шлегель**.

Вскоре **Гумбольдт** заново поднял вопрос о переводе на основе новых данных философской лингвистики, а за этим последовали обобщающие работы: **О. Групе** «Искусство немецкого перевода» [1859], **Тихо Моммзена** «Искусство перевода» (1858, 1886) и др. Моммзен противопоставил наиболее распространенным типам перевода – 1. точно передающему смысл, но не соблюдающему формы оригинала, и 2. самостоятельной обработке произведения в иностранном стиле, сохраняющей только формы переводимого произведения, – перевод строгий, в котором и содержание и форма иностранного подлинника передаются по возможности точно и понятно для иноземных читателей. Первыми немецкими опытами перевода данного типа можно считать 15 од Горация в переводе **Раммлера** [1769], немецкий перевод «Одиссеи» **Фосса** [1781], далее «Голоса народов» **Гердера** [1778, 1807], **шлегелевские переводы Шекспира** и замечательный перевод

эсхилловского «Агамемнона», сделанный В. Гумбольдтом. Именно этот способ Моммзен склонен считать наилучшим.

Во второй половине XIX в. теоретический интерес к проблеме перевода заметно повысился в Западной Европе, особенно в Германии, где параллельно с ним растет количество и улучшается качество переводов на немецкий язык произведений мировой литературы. По своей добросовестности и техническому совершенству немецкие переводы XIX в. являются едва ли не лучшими. По своему обилию и разнообразию немецкая переводческая литература в то время и количественно превышает переводные фонды других западно-европейских литератур; характерными чертами ее кроме того являются: наличие повторных переводов одного и того же литературного памятника в целях максимально точного воспроизведения иноземного подлинника, чувство ответственности за полноту и точность передачи и частое теоретизирование переводчиков по поводу избранных ими принципов работы.

В широком развитии переводческой деятельности в Германии большое значение имели быстрый рост немецкой филологической науки и спецификация ее отдельных дисциплин, с другой стороны – рост практического языкознания и повышение знаний иностранных языков как следствие увеличения активности немецкого капитала.

В отборе произведений иностранных литератур немецкими переводчиками всегда был свой глубокий смысл: так, например, интерес писателей, идейно принадлежавших к группе «Молодой Германии», к французской литературе столь же характерен, как и симпатии немецких переводчиков 60-х гг. к итальянским поэтам эпохи буржуазного объединения Италии. Образцами переводческого искусства (как ранее

шлегелевские переводы Шекспира, Гильдемейстера – из Байрона и Ариосто) в этот период считаются переводы **Пауля Гейзе** (итальянские поэты – Леопарди, и особенно Джустини), **Легерлоца** (Л. Берне и Беранже), **Боденштедта** (Лермонтов, Пушкин), **Гервега** (Ламартин и Шекспир), **Германа Курца** (испанские писатели) и др. Если в эпоху романтизма построение теории немецкого перевода стояло в связи с идеалистическими концепциями Канта и особенно с националистической теорией Фихте об «универсализме» немецкой культуры, то теперь большое значение имели воззрения Гегеля на теорию исторического процесса, в частности учение о культурном сотрудничестве равноправной «семьи» европейских народов.

Рост немецкого (и общеевропейского) пролетариата и распространение идей международной солидарности рабочего класса оказали также сильное влияние на искусство перевода (особенно много переводились Петёфи, Дюпон, поэты Парижской коммуны), противопоставив буржуазной идее «мировой литературы» (Weltliteratur) идею мировой пролетарской литературы – «литературного интернационала».

В области теории перевода немецкая литература конца XIX века не дает много нового, несмотря на большое количество работ, посвященных этому вопросу [Ю. Келлер – «О границах перевода» (1892), А. Бизе – «Что такое перевод?» (1894)]. В конце века возрождается и другая точка зрения. Филолог-классик **Вилламовиц-Меллендорф** в своем введении к переводу «Ипполита», трагедии Эврипида («Что такое перевод?»), требовал, чтобы переводный текст производил на современного читателя такое же впечатление, какое в свое время подлинник оказывал на своих современников; поэтому при переводе

необходимо, пренебрегая буквой, следовать духу произведения, переводя не слова, не фразы, но мысли и ощущения. Соответственно этому подчеркивалась необходимость пользоваться не размером оригинала, но такой формой стиха, которая могла бы передать сходное впечатление.

Вращаясь в области зыбких формул и неточных определений, немецкие теоретики искусства перевода шли путем чисто эмпирического изучения переводческого опыта прошлых времен или эстетического анализа отдельных образцов переводческого мастерства. Количество работ данного типа очень велико. Кроме изучения переводов отдельных писателей или целой серии их (работы типа «Данте, Мольер и т. д. в немецких переводах») немецкие исследователи охотно изучали также переводы с отдельных западно-европейских языков с точки зрения соответствия их лексики, грамматического строя и стилистической структуры немецкому языку; такова, например, книга П. Кауэра «Искусство перевода», в которой даются сопоставления между античным и немецким образом мышления и соответствующими формулами их выражения. Наконец группа исследователей (пока немногочисленная) пыталась наметить новые пути изучения вопроса, предлагая экспериментальным путем исследовать психологию восприятия перевода читателями (С. Вартенслебен, К изучению психологии перевода, 1910).

Во Франции переводческая деятельность в этот период не играла столь важной роли, как в Германии, и в качественном отношении переводы на французский язык всегда значительно уступали немецким. Конечно, и во французской литературе можно найти отдельные хорошие переводы, но довольно значительная часть их приходится на

романтический период с его интересами к сходным течениям Англии и Германии (переводы Байрона, переводы Жерара де Нерваля из Гёте). В эпоху становления реалистического и натуралистического стиля, с его тенденциями к изучению мелкобуржуазного повседневного быта и социальной среды, французская литература обнаружила в общем довольно слабый интерес даже к наиболее сходным с ней идеологически и литературно течениям иностранных литератур (например, к английскому реализму).

Правда, на этот период приходятся замечательные по своему проникновению в дух подлинника переводы **Ш. Бодлера** из Э. По, а затем и стилизационные опыты «парнасской школы»; глава ее **Леконт де Лиль** оставил много тщательно исполненных переводов античных авторов; по ним Франция впервые познакомилась с духом и формой греческой поэзии, которую прежние переводчики (начиная с XVII в.) искажали и извращали. Леконтом де Лилем переведены полностью прозой Феокрит («Идиллии») и «Анакреонтические оды» [1861], «Илиада» [1866], «Одиссея» Гомера [1867], Гесиод и орфические гимны [1869], Эсхил [1872], Софокл [1877], Еврипид [1884–1885].

Усиление переводческой деятельности во Франции наблюдается лишь с середины 80-х гг. XIX века. Преодоление натурализма, выразившееся в утомлении и пресыщении литературой, отражающей действительность, повлекло за собой увлечение экзотикой, искусством и литературой Востока («японизм» бр. Гонкуров, романы П. Лоти), что вполне отвечало колониальным интересам французского капитала. С другой стороны, возникновение символизма во французской поэзии оживило интерес к раннему немецкому романтизму. Наконец в те же

годы во Франции обнаружился огромный интерес к скандинавской и особенно русской литературе.

С другой стороны, эти писатели заинтересовали читателя из мелкой буржуазии своими социальными и моральными тенденциями. Все эти причины содействовали количественному росту переводной литературы во Франции. В качественном отношении переводы этого времени, однако, оставляли желать много лучшего. Переводчиками, например, русских авторов зачастую были иностранцы, плохо владевшие французским языком. Широко распространено было пользование чужим подстрочным переводом для поэтического «пересоздания» текста. В числе переводов с русского языка лучшими были переводы **Дени Роша** (повести Чехова, Лескова, Горького и мн. др.), **Жюля Легра** [Записки Мельшина (Якубовича)], **Широля** («Нос» Гоголя, «Дуэль» Чехова), швейцарца **Соломона** (стихотворения Тютчева).

Английская литература второй половины XIX в. находилась примерно в таком же состоянии, как французская. Резкий перелом обозначается лишь к 80-м гг., когда под влиянием начавшегося экономического кризиса английская промышленная буржуазия с тревогой оглядывается на конкурирующие страны, а экономически и социально наиболее ущемленные кризисом классы начинают искать идеологической опоры в литературах континентальных стран. До этого времени в Англии переводили в общем мало и неохотно, причем внимание переводчиков останавливали на себе преимущественно классические произведения мировой литературы бесспорного исторического значения. Из теоретических высказываний этого периода нужно отметить некогда имевшую в Англии большое значение статью Маттью Арнольда «О переводе Гомера» [1861].

В числе лучших английских образцов переводческого искусства следует назвать переводы **Д. Г. Россетти** из Данте («Новая жизнь») и староитальянских поэтов (в ранние годы Россетти перевел также «Ленору» Бюргера и приступил к переводу «Песни о Нибелунгах», «Бедного Генриха» Гартмана фон дер Ауэ), далее – переводы **Вильямса Морриса** (две книги исландских саг, а также стихотворный перевод «Энеиды» Вергилия), **замечательные переводы Свинберна**, обладавшего редким даром языковой ассимиляции и чутьем к чужому языку (переводы из Франсуа Вийона и Теофиля Готье), а также **Джемса Томсона** младшего из Леопарди и Гейне. В 80–90-х гг. в Англии стали охотно переводить французских писателей (Э. Золя, Мопассана), скандинавских (Ибсен) и русских (Л. Толстой и Достоевский, впоследствии Чехов и Горький).

Значительный толчок развитию переводческой деятельности дала первая мировая война 1914. Тот интерес, с каким по окончании войны европейские читатели взялись за чтение переводной литературы, в значительной мере объясняется продолжительной разобщенностью, на которую обречены были европейские государства войной, и ослаблением творческой производительности. Во всех странах капиталистического Запада переводы сделались важнейшей и наиболее доходной статьей книжного рынка.